

УДК 398

РУССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ (НАРОДНАЯ, ПРАВОСЛАВНАЯ) КУЛЬТУРА В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ

Т.А. Золотова, Т.А. Махновец, А.А. Нечаева, С.С. Сабитов

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

В статье выявлены наиболее характерные жанры русской традиционной культуры Республики Марий Эл. Показаны особенности их содержания и поэтики. Отмечено, что продуктивными формами взаимодействия русской и финно-угорской культуры в регионе является апперцепция, интерференция, сотворчество. Приведены примеры данных форм.

The article determines a number of genres typical of Russian traditional culture in Mari El and focuses on the peculiarities of their poetics and contents. The most productive models of interaction between Russian and Finno-Ugric cultures in the region are stated; they are apperception, interference and co-creation. Examples of these models are given.

В настоящее время в отечественных гуманитарных исследованиях все настойчивее проводится мысль об особой значимости в так называемые переходные эпохи феномена традиционной культуры. В ситуациях кризиса политических систем и связанных с ними социальных институтов, общего дискомфорта личности «традиционные ценности оказываются единственным способом сохранения заданной предками коллективной идентичности» [1]. Чрезвычайно важно и еще одно положение современной науки – о постепенном свертывании к концу XX века массовой коммуникации и массовой культуры [2]. В этих условиях традиционная культура не только заполняет духовный вакуум эпохи потребления, но и активно включается в «формирующуюся новую цивилизацию новую культуру», так как востребованной в ее рамках в первую очередь оказывается продукция, ориентированная на национальные и этнические модели [3].

В проекте и, соответственно, статье, написанной по его результатам, предпринимается попытка выявления наиболее ярких образцов русской традиционной (народной и православной) культуры на территории Республики Марий Эл. Необходимым представляется и определение типа и характера взаимодействия русской и финно-угорской культуры в ареале (жанры, персоналии и т.д.).

Изучение в одном блоке, на первый взгляд, имеющих ярко выраженную специфику областей (фольклор, древняя русская литература), тем не менее, оправдано постоянным и продуктивным обменом, который происходил между ними на протяжении многих веков, и некоторыми общими сферами бытования текстов (безличность, опора на традицию, стереотипия поэтических приемов).

В статье используются материалы фольклорных и археографических практик и экспедиций студентов и преподавателей Марийского госуниверситета, которые проводились на территории республики в 80-90-х годах прошлого столетия, в районах компактного проживания русского населения (Юринский, Мари-Турекский, Новоторъяльский, Сернурский, Куженерский и некоторые другие). Выбор этого ареала не случаен: ему предшествовала большая работа по изучению миграционных потоков русского населения в XVIII-XIX веках (левобережье Волги оказалось заселенным по преимуществу выходцами с Русского Севера, северо-восточные районы – центральных областей России). Благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Федеральной программы «Университеты России» полевые исследования приобрели широкий размах и комплексный характер. При фиксации фольклорных произведений использовалось современное оборудование (в частности, цифровая видеотехника). Собранные материалы систематизированы и описаны по жанровому признаку (в границах жанров выявлены сюжетные типы, версии и мотивы), осуществлено их копирование, созданы аудио- и видеоархивы, часть материала перенесена на электронные носители.

Авторы проекта вполне отдают себе отчет в том, что на протяжении XX века произошли события, во многих отношениях губительные для традиционного крестьянского быта и связанной с ним культуры. И, тем не менее, анализ материала просто поразил (!) фактами хорошей сохранности значительного количества жанров (из общего ряда известных русской народной культуре), а также отдельных уникальных

образцов, их жизнеспособности и влиятельности. Так, например, эпическая поэзия русского народа представлена историческими песнями, балладами и духовными стихами; эпическая проза – мифологическими рассказами (о лешем, водяном, русалке, вогнежном), многочисленными топонимическими преданиями (особый интерес представляют те из них, в которых трактовка названия определенного населенного пункта дается как русскими, так и марийцами). В архиве Марийского госуниверситета также хранятся рассказы очевидцев о коллективизации, об Отечественной войне, о региональных конфликтах. Значительной научной ценностью обладает раздел «Календарные обряды». В нем представлены подробные описания обрядов Рождества, Масленицы, встречи и проводов весны, Пасхи, Троицы, Иванова и Петрова дня, жатвы, а также тексты колядных, таусеневых, масленичных, троичских, гулевых и круговых песен. Раздел «Семейно-бытовые обряды» включает поверья и обряды, связанные с рождением ребенка, проводами в армию, свадьбой и похоронами. Обширен раздел необрядовой лирики, содержащий лирические частые и протяжные песни, народные романсы, песни литературного происхождения, частушки.

Участниками экспедиций также фиксировались свидетельства о застройке деревень, об архитектуре и о внутреннем убранстве домов, традиционных нормах общения и поведения (помочи и братчины, посиделки, вечерки и хороводы, бытовые запреты и т.д.), традиционной пище, об одежде и обуви.

Необходимо отметить и следующее весьма важное явление: в фольклоре русских переселенцев республики можно проследить связь по преимуществу с художественными системами Русского Севера (Юринский район) и центральных областей России (Мари-Турекский, Новоторъяльский, Сернурский, Куженерский районы). Так, например, участниками проекта представлены две сводные модели, характеризующие локальные особенности свадебного обряда в республике. Первый тип («юринская» свадьба) близок к северорусскому семейно-обрядовому комплексу. Он зафиксирован на территории левобережья Волги (место ее соединения с Ветлугой) и отличается детально разработанными акциями девичника, утра свадебного дня, которые рассматриваются в пределах обряда как самостоятельные структурные компоненты, а также эпически выдержанной традицией причети и определяемым ею ритуальным поведением невесты [4]. Второй тип («вятская» свадьба) тяготеет к традициям среднерусской свадьбы. Он бытовал в северо-восточной части Марийского края и в пограничных областях Кировской области.

И наиболее существенными особенностями его, в отличие от первого типа, можно считать перенесение обрядовых действий девичника на утро свадебного дня и, таким образом, предельную эмоциональную насыщенность, динамику именно этого промежутка времени и чрезвычайно развитое смеховое оформление обрядов второго дня свадьбы [5]. Аналогичные тенденции наблюдаются и в других областях русской народной культуры Марий Эл [6].

В сознании наиболее талантливых исполнителей фольклорных произведений ареала (А.К. Ермичевой, Е.С. Меркуловой, И.В. Ракушина и др.), членов их семей, ближайшего окружения в полной мере сохранено уважительное отношение к традиционным ценностям, уверенность в их действительности, стремление поделиться своими знаниями с окружающими. К наиболее важным составляющим их личностного и общественного опыта можно отнести умение жить в мире и согласии с людьми и с самим собой, готовность прийти на помощь, почитание окружающей природы и особенно «матушки-земли», совесть, чуткость и, несмотря на сложные судьбы, социальный оптимизм. Об этом свидетельствует и характер записанного от них репертуара, сочетание в нем, с одной стороны, произведений, исполненных глубокого лиризма, с другой – удалы, «вольной волюшки».

Что касается художественной ценности произведений русского фольклора Республики Марий Эл, то состояние текстов, записанных на данной территории, подтверждает выводы исследователей, работающих с произведениями классического фольклора в других регионах России. Изменилась направленность ряда жанров: на первом плане оказались произведения, выполняющие познавательные, информативные, коммуникативные функции. В большинстве случаев оказалась утраченной и мифологическая подоснова действия, в результате многие обрядовые формы перешли на положение игровых. Практически во всех жанрах начался процесс семантического обновления: старые формы наполняются новым содержанием. Значительно упростилась и традиционная образность, утрачены художественные приемы, по той или иной причине не актуальные для нового времени.

Как своеобразных хранителей устоев русской православной культуры рассматривает современная наука и хранителей старинной книжности. При этом русские крестьяне предстают перед нами не только хранителями и читателями книги, но и активными переписчиками, составителями рукописных сборников. Ими продемонстрированы немалая начитанность, способность сознательного, целенаправленно-

го отбора произведений, текст которых включался в книгу полностью или в извлечениях, составляющих сложные подборки. Рукописные сборники, в том числе и обнаруженные на территории Юринского района Республики Марий Эл, являются ярким напоминанием о том, что «книга как бы микрокосмос», она способна отразить большой мир, «во всяком случае, представления человека о мире» [7].

Так, в «юринской» коллекции рукописных сборников прочитывается общая для всего средневекового искусства идея спасения, соединения с богом как цель каждого христианина и христианской истории. Эта идея сообщает книгам удивительную содержательную и художественную целостность. В юринских сборниках представлены по преимуществу произведения, хорошо известные в православном мире. Вместе с тем, в них обнаружены тексты, не внесенные в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» и представляющие, таким образом, ценные находки марийских археографов (см., например, «Слово о ленивых»).

Археографами также прокомментированы факты современного состояния и отношения к старинной книжности и в других районах республики. Установлено, что, несмотря на тенденцию постепенного снижения книжной культуры, уважение к ней не исчезало. Об этом говорят, например, попытки «одеть» книгу в те времена, когда показывать ее посторонним было уже опасно, решимость хранить десятилетиями в XX веке. Даже готовность передать сохраненное тем, кто хотел бы приобщиться к вековым традициям, – свидетельство сохранения живых заветов, донесенных до потомков составителями старинных книг.

Многие произведения традиционной русской культуры оказались востребованными и марийским населением. При этом при исследовании фактов взаимодействия и взаимовлияния русской и марийской и, шире, финно-угорской культур участниками проекта использовались современные методы и подходы (в частности, метод так называемой «внешней» и «внутренней» реконструкции) [8].

Анализ материала показал, что наиболее продуктивными формами взаимодействия данных культур в ареале стали апперцепция, интерференция и сотворчество.

Под апперцепцией в гуманитарных науках обычно понимают «ясное и осознанное восприятие ощущения, впечатления, идеи и т.п.» [9]. Это явление достаточно четко прослеживается, например, в использовании лексики и отдельных художественных образов русских частушек в марийских такмаках. Любопытно, что частушки и такмаки сформирова-

лись приблизительно в одно и то же время, обращают на себя внимание сходной структурой и ритмикой. Среди марийских такмаков исследователи выделяют весьма значительную группу билингвистических текстов. Они различаются между собой степенью концентрации ресурсов русского и марийского языков, характером заимствования русской или татарской лексики, функциональными свойствами заимствованного слова. Интерес участников проекта вызвали, прежде всего, тексты, в которых иноэтническая лексика используется с целью придания им шуточного характера. Комический эффект обычно возникает благодаря неожиданному введению в хорошо знакомый текст русского слова или речевого оборота:

Что такое в самом деле? Кажке капка тўкылымö.	Мишкан лапкыш пасма толын, Материалже бумажный.
Что такое в самом деле? Кажне каче пайлыме.	Мемнан дене ит ойласе: Характерна неважный.

Явление интерференции, в нашем понимании, приобретение произведением нового художественного качества в результате наложения текстов, принадлежащих к разным культурам, обнаруживает себя в сказочной прозе марийцев. Об этом свидетельствуют, например, сюжеты, принадлежащие по «Сравнительному указателю сюжетов» к тематическому гнезду «Чудесный противник» (СУС, 301А,В; 311; 313А,В,С и др.) [10]. В них заимствованные из русского сказочного фольклора ситуации «извлекают» уже из мифологического универсума прозы финно-угров ряд мотивов, заметно обогащающих традиционную трактовку известного у многих народов сюжета [11]. Ярким образцом подобной работы художественного сознания марийцев становится сказка «Вувер-кува» [12]. В ней, в частности, происходит усиление драматического начала повествования, благодаря привлечению монистических верований финно-угров в возможность самостоятельного существования души (öрт) человека. Эти наблюдения участников проекта подтверждают позицию известного исследования фольклора В.М. Гацака. Ученый еще в конце 70-х годов прошлого столетия высказал мысль о том, что «маргинальная зона фольклорной культуры свидетельствует скорее о взаимопереплетении разноэтнических начал, чем об атрофированности их», и «нет ничего ошибочнее представления о том, что серединную часть этнической культуры окружает некая этнически нейтрализованная «мантия» или «шлейф» [12].

Продуктом сотворчества русских и финно-угров Поволжья является в зимнем календарно-обрядовом фольклоре таусеневый обход домов. Генетически он восходит к детально разработанным, особенно у марийцев и мордвы, ритуалам проводов душ умерших и

формировался в тесной связи с актуализацией в период смены природных циклов представлений о «ниже» (ином мире, его божествах и обитателях), открытости и проницаемости пространств жизни и смерти. По мнению участников проекта, уже на ранних стадиях существования обряда имели место некоторые устойчивые формы взаимодействия культур. К ним можно отнести, во-первых, складывание общей терминологии (название праздника и обряда, его участников, песен и их персонажей, форм обращения и благодарственных приветствий); во-вторых, формирование основных акций (ритуальное заклинание животного, изготовление специальной еды, символическая передача ее предкам-покровителям и торжественные проводы последних). В свою очередь о поздних стадиях существования обряда, его значительной деформации, разрушении некогда единого обрядового текста свидетельствует смешение акций Рождества и Нового года, появление различного рода производных от рефрена «таусень», контаминации внутри самих таусеневых песен, а также формирование новых сюжетов на основе разрозненных единиц песен-просьб и кумулятивных песен.

Наконец, принципиально важен и тот факт, что марийские исполнители сохранили в своем репертуаре сюжеты и тексты, уже утраченные в русском репертуаре, речь идет о пересказах русских былин и лубочных сказок.

Итак, собранный материал позволяет сделать некоторые выводы относительно сохранности русской традиционной культуры в исследуемом регионе. Русские переселенцы в Республике Марий Эл в целом сохранили свойственные им традиции, тип поселений, хозяйства, жилища, одежды, религиозные представления, обряды и обычаи; устойчивостью отличается и записанный от их потомков фольклор, система его жанров и поэтические образы. В фольклоре русских Республики Марий Эл прослеживаются художественные традиции прежних ареалов их расселения (Русского Севера, Центральной России и т.д.). В свою очередь изучение археографических находок, успешно

начатое в XX веке, продолжающееся сегодня, свидетельствует о единстве важнейших особенностей христианской словесной культуры, не устаревших в своей основе, но лишь видоизменяющихся со временем. О жизнеспособности этих традиций свидетельствуют факты их творческого использования и обработки в культуре марийцев и других народов, проживающих на территории Республики Марий Эл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каргин, А.С. Традиционная культура на рубеже XX-XI веков (о целях и задачах альманаха «Традиционная культура») / А.С. Каргин, Н.А. Хренов // Традиционная культура. – 2000. – № 1. – С. 8.
2. Там же.
3. Там же.
4. Золотова, Т.А. Русская свадьба / Т.А. Золотова. – Йошкар-Ола, 1991.
5. Золотова, Т.А. Вятская свадьба / Т.А. Золотова, А.А. Иванова, И.Н. Шестакова. – Йошкар-Ола, 2001.
6. Современное состояние русской традиционной культуры Республики Марий Эл / Н. Большова, Н. Вишнякова, Т. Золотова, Л. Иванова. – Йошкар-Ола, 2000.
7. Лихачев, Д.С. Археографическое открытие Сибири / Д.С. Лихачев // Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. – М., 1988. – С. 5.
8. См. об этом подробно: Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – С. 44 и далее.
9. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.; Мн., 2002. – С. 74.
10. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост.: Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. – Л., 1979.
11. К.А. Четкарев, например, считал, что эти сюжеты проникли в марийскую среду из русской сказочной традиции значительно раньше, чем другие заимствованные тексты русского сказочного репертуара. См. об этом: Марийские сказки: Т. 1: Ронгинский район / Записи, пер., ст. и коммент. К.А. Четкарева. – Л., 1941. – С. 47.
12. Марийские народные сказки / Записи, пер. и коммент. К.А. Четкарева. – Йошкар-Ола, 1956. – С. 27.
13. Гацак, В.М. Молдавско-руско-украинские интерференции в сказке / В.М. Гацак // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. – М., 1979. – С. 47.